

Н.Н. СЕДОВА

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФОРМАТЫ, ФАКТОРЫ, СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА¹

Аннотация. Статья посвящена изучению российских практик гражданского активизма. Задачами исследования было выявление соотношения между политической и неполитической составляющими активизма, определение масштабов распространенности и укорененности в жизненных практиках различных форм гражданского участия, анализ социальной базы гражданского активизма, определение основных факторов его развития.

Для анализа социальной базы гражданского активизма предложена типология, основанная на показателях включенности в политические и неполитические общественные практики и готовности к поддержке общественных движений. Типология предполагает выявление базовых групп активизма: ядра, периферийных групп, сочувствующих, отчужденных.

Определены масштабы и социальные характеристики базовых групп активизма, сделан вывод, что основными источниками современного гражданского активизма в России являются социально продвинутые, успешные, мобильные группы. Установлено, что уровень и характер гражданского активизма тесно связаны с характером жизненного целеполагания граждан (прежде всего в сфере образования, самореализации, социальной коммуникации), основными параметрами социального самочувствия населения, базовыми мировоззренческими и ценностными установками. Сделан вывод, что неполитический и политический активизм не противопоставлены, а, напротив, дополняют друг друга. Чем выше «градус» активности, тем плотнее их взаимопроникновение.

Эмпирическую базу исследования составили данные общероссийского массового опроса населения РФ, проведенного Институтом социологии РАН в 2014 году.

Ключевые слова: активизм, участие, гражданское общество, гражданское участие, политика, политическое участие, общественные организации, типология, социальное самочувствие.

Седова Наталья Николаевна — старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН.
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, корп. 5.

Телефон: (495) 670-27-40. **Электронная почта:** nnsedova@inbox.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» (2014), выполненного Институтом социологии РАН при поддержке Некоммерческого Фонда — Института социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ).

Постановка проблемы

Одной из фундаментальных основ любой демократической системы является активное участие граждан в общественной и политической жизни страны, которое должно задавать через запросы различных групп и слоев населения основные приоритеты общественного развития. Говоря о гражданском участии, мы исходим из понимания его как идеи включения управляемых в управление — общественными делами, а также, насколько это возможно, государственными делами; включения граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов; влияния на принятие решений и контроль за их исполнением; самоуправления на низовом уровне [1]. При этом мы исходим из положения, что именно «активистский» опыт, распространенный в обществе, является одним из условий эффективности и осмысленности диалога с властью [4].

Важным обстоятельством развития гражданского активизма является сосуществование в нем политической и неполитической составляющих, между которыми, с одной стороны, нет жесткого «водораздела», но которые, с другой стороны, имеют специфику, начиная от мотивов и заканчивая институтами, обеспечивающими возможность их реализации. В связи с этим актуальны вопросы о том, как сочетаются сегодня политические и неполитические гражданские практики, разделены (противопоставлены) ли они друг другу или характеризуются высокой степенью взаимопроникновения, можно ли говорить о неких «чистых» типах гражданского и политического активизма (и их носителях) или в реальности демаркации между ними не существует. Актуальными характеристиками современного состояния гражданского участия являются также широта и многообразие «номенклатуры» его реализуемых форм и практик, степень укорененности активизма на уровне повседневной жизни людей. Широта и равномерная интенсивность гражданских практик могут свидетельствовать о зрелом состоянии участия, его прогнозируемом характере, формировании устойчивых групп участников, определенной их «профессионализации». Локализация же активистских практик на отдельных актуальных направлениях и в отдельных социальных группах говорит скорее о несистемном, случайном характере активизма, его непрогнозируемости. Важно также понимать, насколько велико и концентрировано ядро участия, какова социальная база его роста, обладают ли «ядерные» группы гражданского активизма какими-либо объединяющими и отличающими от остального населения особенностями (социально-демографическими, статусными, ценностными).

Изучению этих и некоторых других особенностей современного состояния гражданского активизма было посвящено исследование, проведенное Институтом социологии РАН при поддержке Некоммерческого Фонда ИСЭПИ в марте 2014 г. Эмпирической базой исследования стал массовый опрос населения РФ².

**Гражданский активизм —
политическая и неполитическая составляющие**

Исследования последних лет свидетельствуют, что после беспрецедентного всплеска активности масс конца 80-х-начала 90-х гг. общество перешло в стадию своеобразной «глухой самообороны», сопровождающейся снижением уровня политической активности россиян. Как подчеркивает В. Петухов, выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждет от власти, от общественных институтов и действует, что называется, в «автономном режиме». Единственной формой влияния на власть, которая востребована значительным числом россиян, остаются выборы — самый простой и необременительный вид участия [5, с. 48]. Действительно, как показало проведенное исследование, на сегодняшний день основной формой политического участия населения является участие в выборах в качестве избирателей (41%). Доминирование этой формы особенно заметно на фоне гораздо более скромных масштабов участия в других активностях, связанных с выборами: в качестве наблюдателей, агитаторов, сборщиков подписей в выборных кампаниях участвовали 6% опрошенных. Второй по степени распространенности формой включенности в политическую жизнь (после голосования на выборах) является обсуждение политических событий с друзьями, коллегами — ее практикуют более трети респондентов (37%). Данная форма участия является весьма «рыхлой», она не формирует устойчивого характера политического участия, его постоянства. В этом смысле ее более «продвинутой», системной и идеологически насыщенной версией является поддержание связей с политическими единомышленниками в Интернет (в социальных сетях, на форумах), ориентированное на создание постоянных коммуникационных площадок для обсуждения политических проблем, формирование сообществ единомышленников, отработку

² Объем выборочной совокупности составил 1600 респондентов, выборка репрезентирует взрослое (от 18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, образования и типа населенного пункта проживания. Выборка многоступенчатая районированная с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Опрос проведен методом анкетирования.

практик сетевого взаимодействия. Однако сетевые политические интернет-коммуникации практикуют пока только 3% респондентов³.

Участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т. п.) практикуют сегодня 3% россиян. Эта форма активизма не предполагает постоянного, регулярного, системного участия. Будучи привязано к конкретному событийному общественно-политическому контексту, участие в массовых акциях по своей природе носит стихийный, слабопрогнозируемый характер, вовлечение в него граждан отличается спонтанностью. Самая низкая распространенность характерна для форм политического активизма, предполагающих системность, регулярность участия, связь с конкретной организационной структурой и зависимость от нее, существенные временные затраты: в деятельности органов местного самоуправления, политических партий, правозащитных организаций принимают участие по 1–2% россиян.

Можно провести условный водораздел между теми, кто практикует *деятельные формы участия* (в работе партий, правозащитных организаций, органов местного самоуправления (МСУ), интернет-сообществ; в массовых акциях, в выборных кампаниях в качестве наблюдателей, агитаторов и т. п.), и теми, кто не выходит за рамки эпизодической, в каком-то смысле *парадной включенности*, позволяющей без усилий почувствовать причастность к политике (обсуждение политических событий с близкими, голосование на выборах). Сегодня *деятельностная включенность россиян в практики политического активизма может быть оценена на уровне 12% — это своего рода ядро политической жизни общества*. Почти вчетверо больше тех, кто *проявляет к политике интерес, но ограничивается парадными форматами включенности в нее (45%)*⁴. За бортом политической жизни

³ Интересно, что по данным исследования ВЦИОМ «Электоральная панель», эффективность обсуждений общественно-политических проблем в Интернете, на форумах, в социальных сетях, по мнению россиян, лишь незначительно уступает по эффективности таким формам участия, как членство в политической партии или участие в деятельности какого-либо неполитического общественного движения. Высокоэффективными все эти форматы считают лишь 7–8% опрошенных, как среднюю оценивают эффективность членства в партии 39%, участия в общественном движении — 43%, дискуссий в Интернете — 36% (2013 г., 8-я волна; подробнее об исследовании см.: Проект «Электоральная панель 2011–2012» // Сайт ВЦИОМ [электронный ресурс]. Дата обращения 15.06.2014. URL: <<http://politpanel.wciom.ru/>>).

⁴ К группе «деятельностной политической включенности» отнесены респонденты, отметившие хотя бы один из следующих видов участия: в общественно-политических акциях; в работе политических партий; в

остаются 43% россиян, не практикующих ни одного вида политического участия.

При этом потенциал изменения ситуации в пользу расширения активистских политических практик в целом невысок. Россияне, не включенные в политическую жизнь сегодня (43%), не собираются выходить из своего «политического небытия» и завтра (41%). *Основные возможности роста политической активности сосредоточены в тех группах и слоях населения, которые уже вовлечены в политическую сферу, пусть даже и на парадном, демонстрационном уровне.* Можно ожидать некоторого сокращения доли тех, кто сегодня ограничивается «разговорами», но в будущем готов перейти к «делам»; причем наиболее перспективными направлениями для роста политической включенности являются участие в работе органов местного самоуправления, в деятельности политических партий и правозащитных организаций (см. рис. 1). Эти показатели готовности к политическому участию можно рассматривать и как косвенную оценку эффективности различных его форм. Не случайно несколько больший потенциал роста участия (3–4%) фиксируется на тех направлениях, которые связаны с деятельностью конкретных организаций (политических, правозащитных, МСУ), включенных в институциональную инфраструктуру общества, обладающих легитимностью, налаженными коммуникациями с властью и в конечном счете помогающих решать конкретные политические и социальные задачи. Те же формы участия, которые носят неформализованный, спонтанный характер (участие в общественно-политических акциях, поддержание связи с единомышленниками в интернете), обладают меньшим потенциалом роста (в пределах 1%). В целом же при условиях, благоприятных для реализации потенциала политического участия, *доля населения, готового «делать политику», может увеличиться с 12 до 20%.*

В неполитических объединениях и сообществах россияне участвуют чаще, чем в организациях политической направленности (см. табл. 1). Самый распространенный формат неполитического активизма — интернет-сообщества по интересам, о личном участии в которых заявили 10% опрошенных (напомним, интернет-коммуникации с

деятельности правозащитных организаций; в органах МСУ; участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателей, агитаторов и т. п.; поддержание связей с политическими единомышленниками в интернете.

Группа «парадной политической включенности» — респонденты, не попавшие в группу «деятельностной политической включенности», но отметившие хотя бы один из следующих видов участия: обсуждение политических событий с друзьями и коллегами; участие в выборах в качестве избирателя.

политическими единомышленниками практикуют только 3%). Также весьма востребовано участие в ассоциациях соседей, ТСЖ, обращенное на решение задач, затрагивающих наиболее актуальные повседневные проблемы граждан, связанные с качеством жизни (9%). Еще одно популярное направление связано с деятельностью организаций, основанных на профессиональной общности граждан: 8% опрошенных принимают участие в работе профсоюзов, 5% — в студенческих союзах и объединениях, 3% — в работе организаций по профессиональным интересам. Кроме того, россиян привлекают благотворительные организации — деятельность, направленная на помощь конкретным людям и социальным группам, нуждающимся в поддержке (инвалиды, больные дети и т. п.), — ее сегодня практикуют 6%.

Рис. 1. Участие в последние 2–3 года / готовность принимать участие в будущем в политической жизни в различных формах (любое число ответов, %)

Даже будучи малыми по численности, общественные объединения могут играть значительную роль в жизни сообществ, а их деятельность — получать широкий резонанс. В частности, только 2% опрошенных заявили о своем участии в деятельности экологических организаций, еще меньше доля участников объединений по защите общественных территорий (борьбе с незаконной, точечной застройкой; строительством дорог, торговых центров и т. д.). Между тем

проводимые ими акции, связанные с их деятельностью конфликтные ситуации нередко попадают в фокус внимания СМИ и порождают бурные общественные дискуссии, которые в конечном счете приводят к корректировке социально-экономических программ развития территорий, нормативно-законодательной базы, кадровым перестановкам в органах власти и т. п.

Таблица 1

Участие в течение последних года-полутора в деятельности общественных организаций, объединений и сообществ (членство, участие в мероприятиях, акциях, финансовая помощь, сбор подписей и др.) (любое число ответов)

Типы общественных организаций	Доля участвующих, %
интернет-сообщества	10
ассоциация соседей, ТСЖ	9
профсоюз	8
благотворительная организация	6
студенческий союз, объединение	5
творческое объединение	4
ассоциация пожилых людей, ветеранские организации	3
организация по профессиональным интересам	3
объединение спортивных болельщиков / экологическая организация / объединение исполнителей и поклонников музыкальных направлений / общество защиты прав потребителей	по 2
религиозные / волонтерские / по защите общественных территорий / историко-поисковые, военно-патриотические / пропагандирующие особый образ жизни / «одного требования» / по защите и восстановлению памятников истории, культуры / этнических сообществ	по 1,5 и менее

В целом социальная база неполитического гражданского активизма составляет 34% населения (участвующие в деятельности хотя бы одной общественной организации). В ее составе выделяется ядро неполитического гражданского активизма (8%) — люди, участвующие в деятельности общественных организаций трех и более видов, то есть имеющие разнообразный опыт, соответствующие знания и навыки; способные осваивать новые форматы и практики активности. В отношении принадлежащих к ядру с большой долей вероятности можно прогнозировать сохранение и развитие гражданской активности. Еще 9% опрошенных практикуют участие в деятельности двух организаций, представляя собой близкую к ядру периферию, — их

опыт ограничен, однако уже не единичен. Наконец, 17% участвующих в деятельности только одной общественной организации — это группа «начинающих общественников». С одной стороны, они уже сделали первый шаг к выходу из «отчужденного большинства», с другой — их опыт активизма минимален. Прогнозировать продолжение или развитие активистских практик представителей этой группы сложно; не будучи укоренены в жизненных стратегиях, зафиксированные практики могут оказаться случайными и единичными, не получая никакого развития или даже просто продолжения.

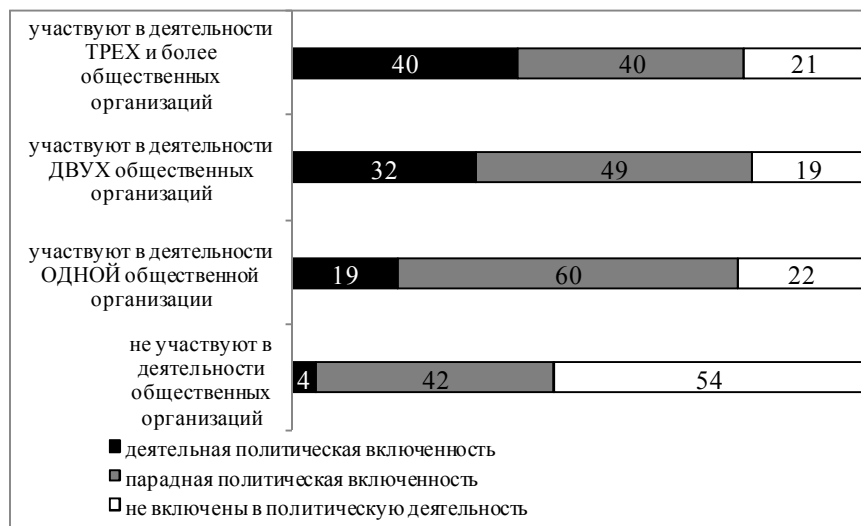
Между политической и неполитической составляющими гражданского активизма существует тесная связь (см. рис. 2). Подавляющее большинство опрошенных, участвующих в деятельности неполитических общественных организаций (79–81%), в той или иной форме включены и в политическую жизнь страны. Причем это касается как тех, для кого участие ограничивается одной общественной организацией, так и тех, кто участвует во многих (три и более организации). Другое дело, что характер включенности в политическую жизнь в этих группах различается. Среди тех, чье неполитическое участие исчерпывается только одной общественной организацией, основная масса (60%) предпочитает парадные формы политического участия (обсуждают политические события в ближнем кругу, голосуют на выборах). Среди тех же, чья неполитическая активность высока и разнообразна (три и более общественных организации), отмечается самая большая (40%) доля тех, для кого характерна деятельная политическая включенность (участие в работе партий, правозащитных организаций, в политических акциях и т. д.). Таким образом, *чем выше степень включенности граждан в неполитические формы и практики гражданского активизма, тем выше и более деятельна их политическая включенность. Неполитический и политический активизм не противопоставлены, а, напротив, дополняют друг друга, и чем выше «градус» активности, тем плотнее их взаимопроникновение.*

Эту картину дополняют показатели политической активности тех, кому чуждо участие в неполитической общественной деятельности, — среди них большинство (54%) вообще не включены в политическую жизнь, а остальные довольствуются парадными формами включенности (обсуждениями событий с друзьями и коллегами и голосованием, 42%). И только 4% тех, кто не участвует в деятельности общественных организаций, включены в политическую жизнь в активных и формах (рис. 2).

В ходе изучения новых форм и практик гражданского активизма анализировались не только показатели участия в работе общественных

организаций и объединений, но и в целом уровень информированности, характер отношения к организациям, действующим в разных областях и сферах жизни общества, и готовность их поддержать.

Рис. 2. Связь между характером включенности в политические практики и участием в деятельности неполитических общественных организаций, %

Из предложенного в ходе опроса списка общественных объединений более половины (10 из 18) известны большинству респондентов (см. табл. 2). Наиболее известны те объединения и организации, деятельность которых сосредоточена на оказании помощи конкретным людям и группам (благотворительные фонды для поддержки больных детей, инвалидов; волонтерские движения по оказанию помощи пострадавшим от стихийных бедствий; организации, помогающие бедным, бездомным), а также экологические движения. При этом данные организации *воспринимаются позитивно, многие готовы их поддержать* (40–47% — помогающих нуждающимся, 38% — экологов).

К деятельности других организаций, известных большинству россиян, чаще относятся *с интересом, но без желания поддержать*. Обращает на себя внимание то, что в эту группу попали организации, ориентированные на *разрешение конфликтных ситуаций и предполагающие взаимодействие с властью*, — по защите трудовых прав, памятников истории и культуры, борьбе с коррупцией, контролю за проведением выборов.

Таблица 2

Отношение респондентов к деятельности известных им общественных объединений (один ответ по каждому виду организации, %)

Виды общественных объединений, движений, организаций	С симпатией, готовы поддержать	С интересом, но поддерживать не готовы	Негативно	Ничего о них не знают
ВЫСОКАЯ СТЕПЕНЬ ИЗВЕСТНОСТИ				
благотворительные (помощь больным детям, инвалидам)	47	34	1	18
волонтерские (помощь пострадавшим от стихийных бедствий и т. п.)	42	38	1	20
помогающие бедным, бездомным	40	35	2	23
экологические	38	34	3	25
выступающие против нарушений трудовых прав	30	34	3	32
защищающие памятники истории и культуры	30	43	1	25
борющиеся с коррупцией	28	33	3	36
выступающие за общественный контроль над проведением выборов	22	36	5	36
добровольные народные дружины, казачество	21	45	8	26
объединения спортивных болельщиков и фанатов	12	29	24	35
СРЕДНЯЯ СТЕПЕНЬ ИЗВЕСТНОСТИ				
выступающие за восстановление в России традиционных христианских ценностей	19	30	4	47
борющиеся против наплыва мигрантов в Россию	19	27	10	44
интернет-сообщества	16	28	9	47
выступающие за свободу собраний, митингов, демонстраций	12	35	9	44
«одного требования» (обманутых дольщиков, автомобилистов, «синие ведерки»)	12	35	5	48
протестные музыкальные рок-фестивали, концерты	6	24	23	47
НИЗКАЯ СТЕПЕНЬ ИЗВЕСТНОСТИ				
борющиеся против дискриминации отдельных категорий граждан (заключенных, сексменьшинств и т. д.)	7	24	18	51
представляющие интересы проживающих в России этнических диаспор	7	20	12	61

Также интерес без готовности поддержать россияне проявляют к организациям со средней степенью известности, деятельность которых направлена на решение конкретных социальных, экономических или политических задач — восстановление христианских ценностей,

борьба с наплывом мигрантов, соблюдение прав на свободу собраний, митингов и демонстраций, движения «одного требования». По всей видимости, именно *локальный характер задач и политический резонанс их деятельности делают эти организации менее привлекательными для личного участия граждан*, нежели организации, преследующие общезначимые, бесспорные и благородные цели с возможностью бесконфликтного их достижения.

Это предположение подтверждается и весьма прохладным отношением россиян к организациям, борющимся против дискриминации отдельных категорий граждан (заключенных, сексменьшинств и т. д.), а также представляющим интересы проживающих в России этнических диаспор — эти организации малоизвестны и имеют очень низкие показатели поддержки (по 7%). Группы, на защиту которых направлена деятельность данных организаций, можно оценить как социально маргинальные; они расположены на периферии сообщества и, судя по всему, не воспринимаются гражданами как достойный объект приложения собственных усилий (табл. 2).

Готовность граждан оказать поддержку тем или иным общественным организациям, объединениям можно рассматривать как первый шаг, необходимое условие, базу для развития гражданского активизма. Определяя в целом масштабы этой базы, можно сказать, что большинство респондентов (73%) готовы оказать поддержку хотя бы одному движению, организаций. В том числе 16% могут поддержать один-два вида организаций, а 57% выражают симпатию и потенциальную готовность поддержать в отношении трех и более видов общественных движений.

Для оценки какого-либо социального явления важно принимать во внимание российскую ситуацию на фоне положения дел в других развитых странах. Основу для сравнительного анализа уровня гражданского активизма представляют данные международного «Европейского социального исследования (ESS)»⁵. В ходе этого исследования респондентов спрашивали, приходилось ли им в течение последних 12 месяцев предпринимать те или иные действия, направленные на улучшение ситуации в стране. В число таких действий входили: обращение к конкретным политикам или в общероссийские или местные органы власти; участие в работе политической партии, движения;

⁵ Выводы сделаны на основе расчетов, проведенных автором на базе данных шестой волны проекта «Европейское социальное исследование (ESS)», проведенной в 2012 году в 24 странах, включая Россию. Массив данных в SPSS и инструментарий исследования (анкета) взяты с сайта проекта: <<http://www.europeansocialsurvey.org/>>.

участие в работе другой общественной организации, объединения; подписание петиций, обращений, открытых писем; участие в разрешенных демонстрациях⁶. На основе сочетаний ответов на данные вопросы были выделены группы респондентов, 1) принимавших участие хотя бы в одном виде активностей, 2) участвовавших в двух видах, 3) участвовавших в трех и более видах активностей, 4) не принимавших участие ни в одном виде активностей.

В рейтинге стран, построенном по признаку участия граждан хотя бы в одном из указанных видов гражданской активности, Россия заняла 22-е из 24 возможных мест (рис. 3). Доля тех, кто участвовал хотя бы в одном виде активностей, составила здесь лишь 16%, тогда как подавляющее большинство (84%) ни в чем подобном ни разу за указанный период участия не принимали. *Россияне оказались, таким образом, одними из самых пассивных граждан, уступив по уровню активности представителям большинства европейских стран* (как стран с давними традициями демократии и гражданского участия, так и входивших в социалистический лагерь), в том числе нашим бывшим согражданам.

Рассмотренные данные были получены по другой методике, нежели та, что использовалась в ходе настоящего исследования. Наша методика позволяет зафиксировать участие не только в политических и общественных организациях, но и такие форматы, как, например, интернет-сообщества, которые заметно расширяют показатели участия. Тем не менее факт существенного отставания России по уровню активизма налицо. В связи с этим особое значение приобретает изучение и учет потенциала расширения его социальной базы в России.

Социальная база гражданского активизма

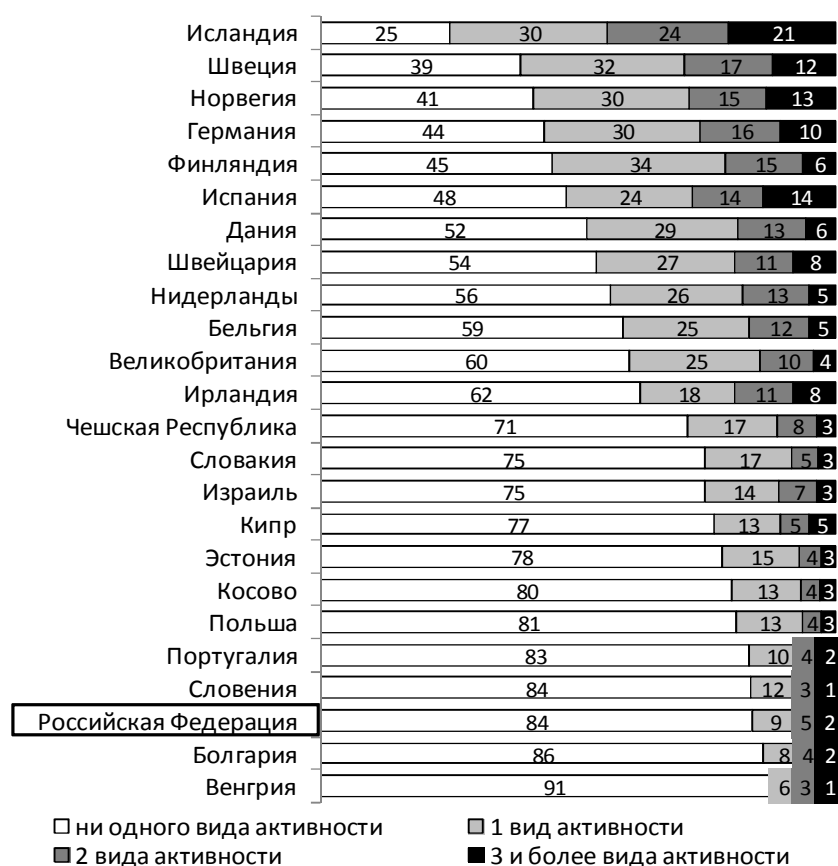
Для анализа социальной базы гражданского активизма была разработана его типология, опирающаяся на три параметра: 1) включенность в деятельностные политические практики⁷, 2) включенность в неполитические общественные практики⁸, 3) гипотетическая готовность

⁶В опросник были включены еще два вида возможных активностей, которые нами не учитывались: ношение или вывешивание символики какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или иной акции или организации; бойкот, отказ от покупки или потребления каких-либо товаров или услуг для выражения протеста.

⁷ Реализация хотя бы одного вида деятельностного политического участия.

⁸ Участие в деятельности хотя бы одного вида общественных организаций, объединений, сообществ.

оказать поддержку общественным движениям⁹. На основе сочетания в жизненных практиках и установках данных факторов, респонденты были отнесены к трем основным группам: «активисты», «сочувствующие» и «отчужденные».

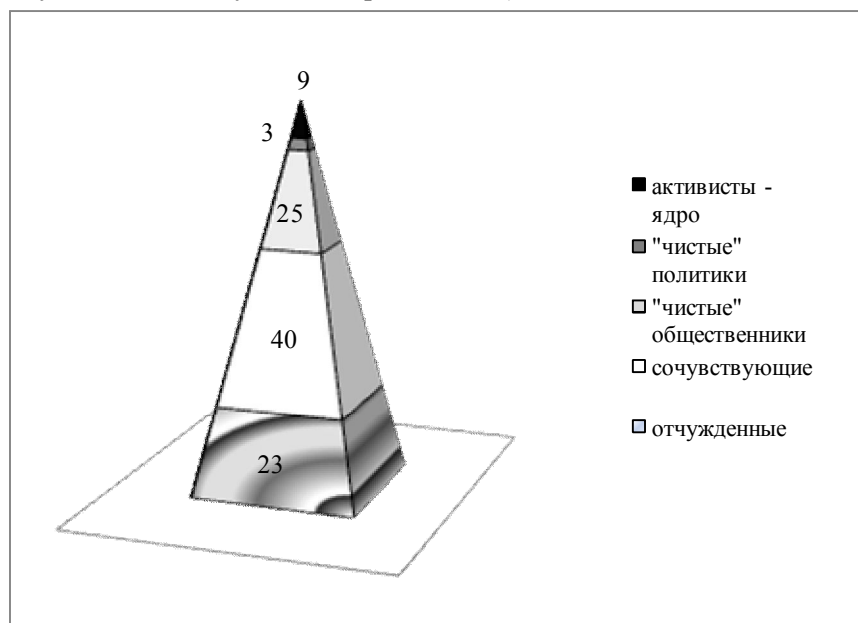

Рис. 3. Сравнительные показатели включенности в гражданские практики населения европейских стран (данные «Европейского социального исследования (ESS)», 2012 г., %)

В целом долю «активистов», реализующих на практике хотя бы один вид гражданского активизма (политического или неполитического), можно оценить сегодня в 37% (см. рис. 4). Ядро этой группы (9%) составили респонденты, которые активно и деятельно

⁹ Симпатия и готовность поддержать хотя бы один вид общественных объединений.

участвуют в политической жизни, а также принимают участие в работе общественных организаций. На *периферии* группы активистов — респонденты, «специализирующиеся» на политических либо на неполитических общественных практиках; при этом «чистых политиков» в их составе совсем немного (3%), тогда как «чистых общественников» — большинство (25%). Обратим внимание, что большая часть респондентов, участвующих в политической жизни, заняты также и неполитической общественной деятельностью, причем самого высокого «градуса» (многие участвуют в трех видах организаций и более). Остальная же масса «общественников» политикой не занимаются, а их общественная жизнь имеет пониженный градус активности (участвуют в одном-двух видах организаций).

Рис. 4. Типология гражданского активизма, основанная на показателях включенности в политические и неполитические общественные практики и гипотетической готовности поддержать общественные движения

Таким образом, общественная деятельность является своеобразным «входом» в пространство гражданского активизма. С накоплением опыта, расширением числа реализуемых общественных практик складываются условия для включения граждан и в политические практики, которые выступают в роли своеобразной активисткой надстройки — более продвинутого, сложного для освоения, «профессионального» формата активизма. В этом смысле особое

звучание получает подход к различению неполитической (гражданской) и политической сфер на том основании, что для первой приоритетом выступает солидарность, а вторая предполагает деление на «своих» и «чужих»¹⁰. Осознание себя как части целого «мы» и освоение практик солидарной деятельности — первый шаг активиста, умение использовать эту солидарность для отстаивания интересов «своих» против «чужих» — следующий (что, конечно, не исключает обратную, менее распространенную, логику включения в активизм).

Помимо 37% «активистов», наиболее многочисленную часть общества (40%) составляют «сочувствующие», а оставшиеся 23% — группу полностью отчужденных от общественно-политической жизни россиян¹¹.

Кем же представлены рассмотренные группы в нашем обществе, каковы их основные социально-демографические параметры?

Среди мужчин и женщин доли активистов, сочувствующих и отчужденных примерно одинаковы. Можно отметить лишь несколько более высокую долю «ядра» среди мужчин и «сочувствующих» — среди женщин. Возрастные различия заметнее. Активизм привлекает прежде всего молодежь; это касается как ядра, так и периферии. В целом выделяется три возрастных среза, где фиксируются заметные различия в уровне активизма — молодежь до 30 лет (самый высокий уровень), средние возрастные группы 31–60 лет (со средним уровнем активности, почти не имеющим различий в соседних когортах 31–40, 41–50 и 51–60 лет) и люди старше 60 лет (самый низкий уровень активизма).

Уровень образования является важным фактором включенности в практики гражданского активизма. Если среди обладателей среднего и неполного среднего образования только 5% могут быть отнесены к группе «активисты-ядро», то среди имеющих высшее и неоконченное высшее образование таких втрое больше (15%). Также в их группе отмечается двукратное превышение доли «активистов-периферии» по сравнению с группой с низким уровнем образования (36% и 18%

¹⁰ На этот подход в изучении гражданского и политического в российских общественных практиках опираются авторы одноименной книги под редакцией С.В. Патрушева: [3, с. 17].

¹¹ Приведем для сравнения данные, характеризующие готовность к участию в общественно-политической жизни, полученных в ходе уже упоминавшегося исследования ВЦИОМ «Электоральная панель» (2013 г., 8-я волна): 30% опрошенных заявили, что «безусловно» или «скорее» готовы участвовать в общественно-политической жизни, 40% не исключили такую возможность, но определили свою позицию как «скорее не готовы», 25% к этому совершенно не готовы (6% затруднились ответить).

соответственно). При этом отчужденность от общественно-политических практик среди обладателей высокого образовательного статуса минимальна (17% при 34% у имеющих образование не выше среднего).

Сходные тенденции фиксируются в группах опрошенных, относящих себя к разным социальным слоям нашего общества, — чем выше социальная ступень, тем выше уровень гражданского активизма. Единственная особенность — позиция представителей высших слоев. Среди них при максимальных долях групп «активисты-ядро» и «активисты-периферия» одновременно фиксируется самая низкая доля «сочувствующих». Можно предположить, что это вызвано сугубо деловым отношением представителей этой группы к жизни — если они готовы что-то делать, то делают, а «пустые» рассуждения о возможной гипотетической поддержке каких-либо движений им чужды.

Что касается различных типов поселений, то концентрация активистов отмечается в городах, особенно в мегаполисах — здесь зафиксирована самая высокая доля «ядра» (15%) и «периферии» (45%). На селе же данные показатели, напротив, минимальны (6% и 20% соответственно). Несколько выбивается из этой картины население поселков городского типа (ПГТ), где доля «периферии» оказалась выше, чем в районных и даже областных центрах (33%). Причем детальный анализ показывает, что в ПГТ отмечается повышенная доля «общественников» с высоким «градусом» активности, принимающих участие в деятельности трех и более видов общественных движений и объединений. Среди них выше уровень участия в самых разных типах организаций — профсоюзах, студенческих и профессиональных организациях; объединениях болельщиков; благотворительных и экологических организациях; творческих объединениях. По всей видимости, повышенная общественная активность здесь связана с поисками новых возможностей для самореализации в условиях их дефицита в сфере получения хорошей работы, образования, проведения досуга и т. д.

Таким образом, гражданские активисты рекрутируются в первую очередь из наиболее подвижных, успешных, «продвинутых» социальных групп — молодежи (прежде всего студенческой); людей с высоким образовательным и социальным статусом; проживающих в мегаполисах, а также ПГТ; занятых в интеллектуально ориентированных сферах (образование, здравоохранение, управление, наука, СМИ), а также военных. Учитывая, что доля тех, кто пока не принимает активного участия в общественной и политической жизни, но относится к «сочувствующим», в этих группах довольно высока, а степень отчужденности от проблематики активизма, напротив, самая низкая,

можно предположить, что дальнейшее расширение базы гражданского активизма будет осуществляться за счет этих же слоев.

Мотивация, общественно-политические и социальные факторы гражданского активизма

Несмотря на в целом невысокий уровень политического и общественного участия, сегодня можно говорить об изменении его качества. Оно становится более осмысленным, социально мотивируемым и для многих совершенно бескорыстным. Есть ощущение, что наше общество, особенно его молодая часть, устало от разобщенности и эгоизма. Это дорогого стоит, учитывая, что совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод, рассматривалось значительной частью населения, включая активистское, «продвинутое» меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная.

Что же движет гражданами при принятии решения о том, участвовать или нет в общественно-политической жизни? Основных мотивов два — возможность защитить свои права и возможность общаться с людьми, разделяющими те же ценности, взгляды, убеждения (по 18%). Идеалистический мотив уступает им по популярности: бороться за идеалы и стремиться сделать мир лучше хотят 13% опрошенных. Для каждого девятого (11%) важным является возможность поучаствовать в конкретных делах, принести пользу. По 8% опрошенных отметили возможности личного роста и развития, почувствовать себя свободным и сделать более разнообразной и яркой свою жизнь. Впрочем, немало среди россиян и тех, кто включается в гражданские активности не в силу собственных интересов, идей и стремлений, а за компанию (8%).

Слабо актуальными выглядят мотивы, связанные с восприятием гражданской активности как сферы, в которой можно преуспеть материально, сделать карьеру. Только 5% связывают участие в общественно-политической жизни с возможностью подзаработать, еще меньше (1%) рассчитывают на политическую карьеру. Это можно интерпретировать как свидетельство того, что подавляющее большинство наших сограждан не рассматривают ни общественное, ни политическое участие в качестве «социальных лифтов», возможностей для индивидуального продвижения [5, с. 52]. Между тем в условиях сокращающегося рынка занятости, особенно для молодежи, именно «третий сектор» мог бы стать стартовой площадкой для реализации жизненной энергии многих ее представителей.

Что же касается протестных мотивов, то сегодня они не очень актуальны: стремлением выразить протест против существующей

власти свою гражданскую активность объясняют 5% респондентов. Еще меньше тех, кем движет азарт политической борьбы (2%).

Мотивация включения в те или иные гражданские активности и практики имеет свою специфику в различных группах активистов. Наиболее богата и разнообразна мотивация ядра группы активистов, осуществляющих одновременно политические и неполитические гражданские практики. На фоне «чистых политиков» и «общественников», они заметно чаще ориентированы на возможности общения и самореализации. Возможность общаться с людьми, имеющими те же взгляды и убеждения, привлекательна для половины представителей этой группы (49% при 35% у «политиков» и 25% у «общественников»). Вдвое чаще остальных они говорят о стремлении обрести новых друзей (19% при 7–8% в других группах), получить возможность личностного роста и развития (24% при 12–13% в других группах). Кроме того, именно здесь отмечена самая высокая актуальность идеалистического мотива: борьба за идеалы и стремление сделать мир лучше — 32% при 19–22% в других группах.

Есть свои мотивы-«маяки» и в группе «чистых политиков». Так, среди них заметно чаще, чем в других группах, звучит мотив заработка (24% при 6% у «общественников» и 16% у «ядра»). Также «политики» чаще других воспринимают гражданскую активность как инструмент для защиты своих прав, говорят об азарте политической борьбы.

У «чистых общественников» нет специфических мотивов-«маркеров», мотивационная составляющая их активности не так ярко выражена, как у тех, кто занимается только политикой или сочетает неполитические и политические практики.

Основной мотив, сдерживающий гражданский активизм — уверенность людей в том, что их собственное участие ничего не изменит (26%), что в стране нет политических и общественных институтов, оказывающих серьезное влияние на политику государства, нет организаций, вызывающих доверие (по 6–7%). Наличие институциональной среды, позволяющей гражданам использовать соответствующие институты и механизмы для реализации и отстаивания своих прав и интересов, является ключевым критерием развитости любой демократии. Главная же проблема нашей страны последних 10–15 лет состояла как раз в том, что общество в какой-то момент потеряло веру в эффективность существующих демократических институтов и возможность оказывать влияние на происходящие в стране процессы. Между тем, как отмечает З. Бауман, «кризис гражданственности и недооценка потенциала политических акций проистекают в конечном

итоге из ощущения... что отсутствуют не только механизмы обеспечения... коллективных эффективных действий... но и пути возрождения таких механизмов или создания новых. ...В результате возникает диссонанс сознания, но он смягчается мыслями, что не стоит оплакивать кончину коллективных действий, поскольку такие действия всегда были и будут в лучшем случае бесполезными» [2].

В ряду демотиваторов участия заметное место также занимает точка зрения, что политикой должны заниматься профессионалы, а решением социальных проблем — государство, а потому гражданам в этой системе проявлять активность и пытаться что-то сделать самим нет смысла (17%). Довольно популярен и такой незамысловатый мотив, как то, что такое участие попросту не интересно (15%). Отдельный «эшелон» причин, объясняющих неучастие в общественно-политической жизни, составляют причины личного характера — сосредоточенность на проблемах своих и своей семьи, отсутствие цели стать профессиональным политиком или общественным деятелем, отсутствие возможности и времени этим заниматься, дефицит времени (по 11–12%).

Уровень и характер гражданского активизма тесно связаны с характером жизненного целеполагания граждан, с тем, насколько богата палитра их жизненных целей. Как показал анализ данных, *большое количество жизненных приоритетов, которые определяет для себя человек, повышает установки на активную гражданскую позицию и участие в гражданских практиках*. Так, в группе респондентов с самым большим количеством важных жизненных установок оказались самыми высокими доли групп «активисты-ядро» (14%) и «активисты-периферия» (31%). При этом наиболее сильно мотивирующими гражданскую активность жизненными целями являются получение образования, самореализация, доступ к информации и общение в соцсетях, обретение важных знакомств и связей, дружба и общение, желание жить в более справедливом и разумно устроенном обществе. Именно эти цели для опрошенных, которые составляют ядро гражданского активизма, оказываются приоритетными намного чаще, чем для тех, кто полностью отчужден от активности.

Важный фактор включенности в гражданский активизм — социальное самочувствие населения: самооценка уровня своей материальной обеспеченности, возможностей реализоваться в профессии, иметь свободное время, получить / дать детям хорошее образование; удовлетворенность жизнью в целом. Отмечается повышенный уровень гражданского активизма в группах опрошенных с позитивными социальными настроениями и, напротив, снижение уровня активизма, отчуждение от него в группах россиян, недовольных теми или иными

сторонами своей жизни. Доля активистского ядра наиболее высока среди тех, кто оценивает как «хороший» уровень своей материальной обеспеченности, профессиональные и образовательные возможности, жизнь в целом (13–15%). Соответствующий показатель активизма в группах респондентов, оценивающих указанные параметры как «плохие», снижен до 2–5%, тогда как доля отчужденности от активизма возрастает: 29–40% против 14–18% среди «довольных». При этом наиболее заметные отличия в уровне активизма между теми, кто доволен и не доволен своим положением, отмечаются по интегральному параметру удовлетворенности жизнью в целом. Единственным параметром социального самочувствия, который выбивается из указанной тенденции, — удовлетворенность наличием свободного времени. Здесь наибольшее число активистов группы «ядро» зафиксировано среди тех, кто ощущает наибольший дефицит свободного времени. Это вполне объяснимо, учитывая, что время является важнейшим ресурсом активизма, а потому оказывается в дефиците у тех, кто его практикует.

Исследование выявило *выраженную зависимость между показателями гражданского активизма и особенностями мировоззрения россиян, характером их нормативно-ценностных систем*. Среди опрошенных были выделены группы «активных» и «инертных» россиян, различающиеся ценностными ориентациями, особенностями мировоззрения, склонностью к активному или инертному восприятию жизни и окружающей действительности. Респонденты, принадлежащие к «активному» типу, характеризующемуся ориентациями на неконформизм, инициативностью и предприимчивостью, готовностью к борьбе за свои права и переменам в жизни, внутренним locus-контролем, поддержкой конкуренции, чаще других включаются в активные гражданские практики. Доля ядра активистов в их составе насчитывает 14%, доля активистской периферии — 32%. Соответствующие показатели в группе опрошенных, характеризующихся «инертным» типом (внешний locus-контроль, ориентация на устойчивость, стабильность, воспроизводство себя в неизменной форме, отрицательное отношение к конкуренции, конформизм), существенно ниже: 5% и 22% соответственно.

Еще теснее связь гражданского активизма с идеологическими ориентациями и установками. Самые высокие доли ядра активизма (23%) и его периферии (25%) зафиксированы среди «либералов» — тех, кто ориентирован на политические свободы, перемены в развитии страны, смену власти, союз с Западом, заботу о благосостоянии граждан страны в противовес укреплению ее державной мощи. Противоположная же идеологическая позиция, «консерватизм» («жесткая

рука» в управлении страной, стабильность, поддержка нынешней власти, развитие собственной государственности, укрепление державной мощи страны) порождает заметно меньшее число гражданских активистов (6%). Впрочем, нельзя сказать, что эта группа исключена из гражданской проблематики, здесь довольно высока доля периферии активизма (27%) и особенно доля «сочувствующих» (44%), которые при определенных условиях вполне могут включиться и в активные гражданские практики.

Активная включенность в гражданские практики чаще связана с восприятием гражданами своей страны как демократической. Среди тех, кто считает, что Россия сегодня может быть названа демократической страной, ядро активистов составляет 12%; среди тех, кто отказывает России в таком праве, — 8%. Тем не менее радикального сужения активистских практик среди тех, кто не считает страну демократической, все же не происходит. Демонстрируя недовольство уровнем демократического развития, граждане имеют в распоряжении и используют различные демократические инструменты, возможности участия в общественно-политической деятельности. Поэтому отказ России в праве называться демократическим государством выглядит в данном случае не столько констатацией факта, сколько фигурой речи, выражающей обеспокоенность недостатками сложившейся общественно-политической системы и пожелание их преодолеть.

Показательны в этом смысле данные о том, как уровень гражданского активизма соотносится с уровнем доверия государственным и общественным институтам. Заметных отличий в степени и характере включенности в гражданские практики среди тех, кто доверяет и кто не доверяет президенту и правительству, не отмечено; можно говорить лишь о несколько более высокой степени отчужденности от общественно-политической жизни среди не доверяющих. Недоверие к судебной системе вызывает две разнонаправленные тенденции; с одной стороны, оно способствует некоторому росту гражданского активизма (рост доли «ядра» в пределах 2%), с другой стороны — несколько увеличивает ряды тех, кто не желает включаться в общественно-политическую жизнь. А вот *доверие политическим партиям и общественным организациям существенно повышает уровень гражданского активизма*. Доля ядра активистов в группах доверяющих этим институтам (15–17%) вдвое выше соответствующих показателей в группах не доверяющих (7%). При этом недоверие общественным организациям почти вдвое увеличивает отчужденность респондентов от тематики гражданской активности (30% отчужденных среди не доверяющих и только 17% среди доверяющих). Таким образом,

уровень гражданского активизма обусловлен прежде всего уровнем доверия негосударственным политическим и общественным организациям, тогда как влияние фактора доверия государственным институтам имеет существенно меньшее значение.

В то же время следует отметить, что люди, активно включенные в гражданские практики, в целом более открыты к взаимодействию с самыми разными государственными, общественными, социальными и другими институтами. Так, в трудной жизненной ситуации направления возможных обращений за помощью у активистов будут гораздо более разнообразны, чем у тех, кто отчужден от общественно-политического участия. Первые чаще готовы использовать ресурсы государственных инстанций (начиная от местных органов власти и заканчивая президентом), общественных организаций, СМИ, а также интернет-сообщества, ближнего круга (друзей, знакомых, коллег по работе, родственников) и даже чаще готовы обращаться к Богу.

***

В целом сегодня можно сказать, что несмотря на определенное охлаждение россиян к идее демократии и гражданского участия, ослабление веры и надежд на то, что отдельные люди и их сообщества благодаря своей активной позиции могут повлиять на ситуацию в масштабах всей страны, гражданский активизм является реальным фактом жизни нашего общества. Сформировано ядро активистов, участвующих на регулярной основе в гражданских и политических практиках, есть еще более обширный слой граждан, представляющий собой своеобразный социальный гумус участия. Это интересующиеся общественной и политической жизнью, готовые оказать поддержку различным движениям и течениям, то есть способные в перспективе при благоприятных условиях стать активными участниками общественно-политических движений и процессов. Современный российский гражданский активизм выглядит весьма респектабельно, основные «поставщики» его участников — социально продвинутые, успешные, мобильные группы; основные черты его социального портрета — молодость, хорошее образование, высокое социальное положение, урбанизм, интеллектуальная профессиональная занятость. Это удел людей с активной позицией в отношении собственной жизни и будущего, имеющих амбиции в самых разных сферах (особенно в образовании, самореализации, социальных коммуникациях, стремлении жить в справедливом и разумно устроенном обществе), ориентированных на нон-конформизм, инициативность и предприимчивость, готовность к борьбе за свои права и к переменам в жизни, внутренний локус-контроль. Активная включенность в гражданские практики

связана сегодня с высокими показателями социального самочувствия их участников (удовлетворенностью жизнью в целом, материальной обеспеченностью; возможностями профессиональной самореализации, получения образования, открытого выражения политических взглядов). Показательно, что возможный рост численности активистов будет укреплять именно такой его социальный состав, воспроизводить его мейнстрим — ориентацию на жизненный успех в самых разных проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Р.Г.* Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. Неконцептуальный сборник / Отв. Ред. Р. Г. Апресян. М.: Аслан, 1997. — 110 с.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества, журн. «Свободная мысль». М.: Логос, 2002. — 390 с.
3. Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.П. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РООПЭН), 2013. — 525 с.
4. *Климов И.* Муниципальный парадокс. Почему партии боятся гражданской активности людей? // Свободный мир [электронный ресурс]. Дата обращения 25.06.2014. URL: <<http://www.liberty.ru/layout/set/print/columns/Zametki-o-social-nom/Municipal-nyj-paradoks.-Pochemu-partii-boyatsya-grazhdanskoj-aktivnosti-lyudej>>.
5. *Петухов В.В.* Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 48–60.

Дата поступления 05.06.2014

N.N. SEDOVA

Sedova Natalia Nikolaevna — Senior Researcher, Center for Complex Social Research (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences); scientific assistant to VCIOM's Director General.

CIVIC ACTIVISM IN MODERN RUSSIA: FORMS, FACTORS, AND SOCIAL BASE

Abstract. The article highlights Russian practices referring to civic activism. The objectives of the study were to reveal the links between political and non-political aspects of activism, to define the scale of the civic participation, and how deep its roots are; to analyze the social base of the civic engagement; and to determine the key factors of its development.

To provide the social base of the civic activism the author proposes a typology based on the indicators of public involvement in political and non-political practices and

readiness of public institutions to support public movements. Such a readiness refers to finding the major activist groups: the core, the periphery groups, those who are well-disposed, and those who are distant.

The scale and social portrait of the major activist groups are defined during the study. The author concludes that modern civic activism in Russia is driven by socially advanced, successful mobile groups. The degree and the character of the civic activism are tightly connected to the character of the goals in life (level of education, self-realization, and social communication), social well-being, and general vision and basic values. According to the findings of the study, non-political activism and political activism are not opposed to each other; the higher the degree of activity is, the deeper their interaction is.

The empirical basis of the study is nationwide public opinion survey of Russians conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2014.

Keywords: activism, participation, civic society, politics, political participation, public organization, typology, social well-being.

REFERENCES

1. Apresjan R.G. Grazhdanskoe uchastie: otvetstvennost', soobshhestvo, vlast'. Nekonceptual'nyj sbornik. [Otv. Red. R. G. Apresjan]. Moscow: Aslan, 1997. — 110 s.
2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo. [Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva; Centr issledovanij postindustrial'nogo obshhestva, zhurn. "Svobodnaja mys'"]. Moscow: Logos, 2002. — 390 s.
3. Grazhdanskoe i politicheskoe v rossijskih obshhestvennyh praktikah. [Pod red. S.P. Patrusheva]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROOPJeN), 2013. — 525 s.
4. Klimov I. Municipal'nyj paradoks. Pochemu partii bojatsja grazhdanskoj aktivnosti ljudej?. Svobodnyj mir [“jelektronnyj resurs”]. Data obrashhenija 25.06.2014. URL: <<http://www.liberty.ru/layout/set/print/columns/Zametki-o-social-nom/Municipal-nyj-paradoks.-Pochemu-partii-boyatsya-grazhdanskoj-aktivnosti-lyudej>>.
5. Petuhov V.V. Grazhdanskoe uchastie v kontekste politicheskoy modernizacii Rossii. Sociologicheskie issledovanija. 2012. № 1. S. 48–60.

Received: 05.06.2014